

DOI: 10.14515/monitoring.2015.3.01
УДК 316.2:323.22:004.738.5

Правильные ссылки на статью:

Ушкин С.Г. Теоретико-методологические подходы к изучению сетевой протестной активности: от «умной толпы» к «слактивизму» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3. С. 3-11.

Ushkin S.G. METHODOLOGICAL APPROACHES TOWARDS STUDYING NETWORK PROTEST ACTIVITY: FROM SMART MOBS TOWARDS SLACKTIVISM // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015. № 3. Pp. 3-11.

С.Г. УШКИН

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СЕТЕВОЙ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ: ОТ «УМНОЙ ТОЛПЫ» К СЛАКТИВИЗМУ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ СЕТЕВОЙ ПРОТЕСТНОЙ
АКТИВНОСТИ: ОТ «УМНОЙ ТОЛПЫ» К
СЛАКТИВИЗМУ

METHODOLOGICAL APPROACHES TOWARDS
STUDYING NETWORK PROTEST ACTIVITY:
FROM SMART MOBS TOWARDS SLACKTIVISM

УШКИН Сергей Геннадьевич – научный сотрудник отдела социально-экономических процессов Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», аспирант Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева. E-mail: ushkinsergey@gmail.com.

USHKIN Sergei Gennadievich – Researcher, Department of Social and Economic Processes, Research Centre for Social and Economic Monitoring; Postgraduate Student, N.P. Ogarev Mordovia State University. E-mail: ushkinsergey@gmail.com.

Аннотация. Рассматриваются основные теоретические подходы к изучению виртуальной сетевой протестной активности в западной и отечественной социологии. Выделены 5 основных направлений: теория «умной толпы» (Г. Рейнгольд), теория минимизации затрат (К. Ширки, А.Б. Невесенко), теория сетей и потоков (М. Кастельс, С.В. Докука, А.Э. Гапич, Д.А. Лушников), теория солидаризации и социального перформанса (Дж. Александер, И.В. Ксенофонтова), теория слактивизма (Е. Морозов, З. Бауман).

Исследователи отмечают амбивалентный характер влияния виртуальных социальных сетей на протестную активность населения. С одной стороны, информационные и коммуникационные технологии предлагают населению принципиально новые возможности для выражения своей

Abstract. The article considers the basic methodological approaches towards online network protest activity in western and Russian sociology. Five theories are described: smart mob theory (H. Theingold), cost minimization theory (C. Shirky, A.B. Nevesenko), theory of networks and flows (M. Castells, S.V. Dokuka, A.E. Gapich, D.A. Lushnikov), theory of solidarity and social performance (J. Alexander, I.V. Ksenofontova), and slacktivism theory (E. Morozov, Z. Bauman).

The way that online social networks shape public protest activity is ambivalent, according to researchers. On the one hand, information and telecommunications technologies open up new perspectives for expressing civil position, collective mobility, and actualization of the problem field of the social protest, etc. On the other hand, they estrange the users

гражданской позиции, коллективной мобилизации, актуализации проблемного поля социального протеста и т.д. С другой – способствуют отчуждению пользователей от реального протестного движения, концентрации на виртуальном взаимодействии; при этом при подготовке протестных выступлений происходит деанонимизация лидеров протестного движения и, как следствие, усиление контроля за их деятельностью, осуществляемого властями и органами правопорядка.

Тем не менее в каждом выделенном направлении виртуальные социальные сети рассматриваются как эффективный информационный, мобилизационный, солидаризационный и синхронизирующий ресурс, где минимизированы временные, финансовые и эмоциональные затраты. Структурная разница подходов – в эффекте влияния новых информационных и коммуникационных технологий на протестную активность: позитивном, негативном или нейтральном. В контексте рассмотренных подходов предполагается, что виртуальная протестная активность представляет собой принципиально новую форму гражданских инициатив через рост интенсивности сетевых взаимодействий (присоединение к сообществу (группе), участие в сетевых дискуссиях, распространение и одобрение информации и т.д.), привлечение широких слоев населения к протестной риторике, мгновенную реакцию на возникающие в обществе проблемы и т.д.

Ключевые слова: протест, протестные настроения, протестный потенциал, протестная активность, Интернет, социальные сети

from the actual protest movement focusing them on online interactions; when preparing for the protest actions, the protest movement leaders are de-anonymized which causes stricter control carried out by the authorities and law enforcement bodies.

At the same time, each theory considers online social networks as an effective resource for getting information, for mobilisation, solidarity and synchronization that minimizes time and financial and emotional costs. Structural difference in approaches refers to the impact of new information and telecommunications technologies on protest activity which can be positive, negative or neutral. The proposed theories describe the online protest activity in terms of new form of civil initiatives carried out through intensive online interactions (joining the group or community, participating in online discussions, dissemination and approval of certain information, etc.), engaging the public in protest discourse, and causing immediate reaction to the actual problems.

Keywords: protest, protest moods, protest potential, protest activity, Internet, social networks

В последние годы протестная активность изучалась в рамках различных теоретических направлений – социального действия, относительной депривации, рационального выбора, мобилизации ресурсов, политических возможностей, новых социальных движений и т.д. В центре внимания исследователей оказывались либо психологические теории социального стресса, либо теории аномии, дезорганизации и другие, объясняющие девиантную адаптацию индивидов к социальной среде [Дементьева, 2013: 3].

Принципиально новой разработкой в этой области активности может считаться сетевой подход. Развитие информационных и коммуникационных технологий привело к смене пассивных слушателей и наблюдателей активными пользователями, способными самостоятельно или коллективно генерировать контент через блоги и социальные сети [Задорин, Мальцева, Полукеев, 2012: 30]. Следствием интенсификации виртуальных сетевых взаимодействий в контексте исследования протестной активности стали структурные

изменения репертуара участия и мобилизации, политической организации, координации и характера коммуникации и распространения информации [Theocharis, 2015: 203]. В то же время тех, кто способен совершать действия, мало; для абсолютного большинства пользователей характерна реактивность, а не проактивность [Долгоруков, 2015: 38; Кастельс, 2000].

В зарубежной и отечественной науке выделяется несколько концептуальных подходов к изучению социального протеста сквозь призму социальных сетей. Первый условно можно обозначить как теорию «умной толпы» (Г. Рейнгольд). Базовое положение этой теории состоит в том, что новые средства коммуникации могут собирать огромные толпы людей в считанные минуты и синхронизировать их действия. На практике данное положение воплотилось во флешмобах – спонтанных массовых акциях, как правило, не преследующих какие-либо политические, коммерческие или иные цели. Подробные инструкции по каждой акции появляются в виртуальных сетях или приходят на мобильные телефоны. Участники флешмоба испытывают удовольствие от того, что своими действиями обескураживают случайных наблюдателей, а сами акции получают широкий общественный резонанс.

Г. Рейнгольд подчеркивает значимость виртуальных средств массовой коммуникации и информации как политического ресурса. Одним из наиболее ранних и наглядных примеров является свержение президента Филиппин Дж. Эстрады в 2001 г. политическим движением «Народная власть II», которое организовывало демонстрации в столице страны Маниле при помощи SMS-рассылки на сотовые телефоны. Текст рассылки содержал призыв одеться в черное и идти на одну из центральных улиц, где в 1986 г. мирные акции протеста привели к отставке правительства Ф. Маркоса. Уже через 45 минут после начала рассылки на улицу вышли около 20 тыс. человек, а через 4 дня толпа выросла до миллиона. Военные отказались поддерживать режим Дж. Эстрады, и ему пришлось подать в отставку.

Исследователь обращает внимание не только на совершенствование технологий массовой коммуникации и информации, но и на децентрализованный характер социальных связей. По его мнению, люди предрасположены к взаимной помощи друг другу. Для того чтобы подавать пример или поступать справедливо, им не нужна централизованная власть, и это порождает новые возможности объединения для сопротивления властным институтам [Рейнгольд, 2006: 19].

В то же время Г. Рейнгольд отмечает, что одна и та же технология может быть использована и как средство общественного контроля, и как орудие социального протеста [Рейнгольд, 2006: 17]. Наиболее очевидная теневая сторона сетевого сотрудничества заключается в утрате приватности ввиду принципиальной открытости информационного общества. Вполне вероятно, что именно данное обстоятельство является одним из самых значимых факторов сдерживания протестной активности [Рейнгольд, 2006: 22].

Второй подход условно назовем теорией минимизации затрат (К. Ширки, Е.Д. Невесенко). Ключевая мысль сводится к тому, что с появлением новых онлайн-инструментов люди могут вступать во взаимодействие для решения проблем без предварительных временных, финансовых, эмоциональных и других затрат. Эффективность групповой работы повышается, поскольку механизмы принуждения замещаются представлениями о личной выгоде участников взаимодействия. Общественное давление посредством новых средств массовой коммуникации и информации может выступать в качестве самостоятельного метода влияния на принятие государственных, политических и управленческих решений.

К. Ширки выделяет 3 значимых изменения в парадигме массового участия. Первое – виртуальные социальные сети способствовали созданию модели децентрализованной коммуникации, основанной по принципу «от многих к многим». Ранее возможности общения с большими группами были в существенной степени ограничены, теперь каждый может

донести свою мысль до аудитории. Второе – переход традиционных средств массовой информации в цифровой формат. Как следствие, интеграция в виртуальном пространстве горизонтальных и вертикальных каналов, при этом виртуальная среда становится не просто средством, но и местом обмена информацией. Третье – размывание грани между производителем и потребителем информации, поскольку каждый пользователь может быть создателем цифрового контента. По мнению К. Ширки, как только новый пользователь подключается к социальным сетям, он сразу становится одновременно и потребителем, и производителем [Shirky, 2009].

Виртуальное пространство представляет собой большую, распределенную, дешевую и совместимую с идеалами демократии форму спора. Каждое новое возникающее медиа – будь то печатный станок, телеграф, телефон, телевизор или социальные сети – нацелены на установление мира во всем мире. Но мир не наступает по одной простой причине – большое количество знаний порождает большое количество социальных конфликтов. Будущее социальных сетей К. Ширки видит в том, чтобы изменить конфигурацию распределения ресурсов и политических возможностей по принципам открытого программного кода, баз данных и т.д. Суть изменения заключается в том, чтобы каждый удаленно подключался к дискуссии и совместно работал, мнение каждого было услышано. Пока, как считает исследователь, ни одна демократия не предоставляет таких возможностей ни в отношении законопроектов, ни в отношении бюджета, хотя все делается с нашего позволения и на наши деньги.

В контексте данной теории те, кто не могут добиться участия в законодательном процессе, либо оставят эту затею, либо пойдут дальше и сформируют инициативные группы протеста. Мотивом такого рода протеста будет выступать не захват власти, а повышение прозрачности и открытости политических институтов, внедрение широкомасштабных методов работы. К. Ширки уверен, что сегодня в мире фиксируется когнитивный излишек, поэтому люди способны к новым объединениям и творческим формам самовыражения, особенно в виртуальной среде [Shirky, 2011: 27].

Е.Д. Невесенко полагает, если предложить молодым пользователям сетевых ресурсов желаемое ими вознаграждение (выгоду), они будут полноценными участниками общественной деятельности. Выделяется комплекс способов, которые могут, по мнению автора, способствовать развитию общественной активности [Невесенко, 2014: 20].

Первый способ – мотивация деятельности вознаграждением, направленным на виды деятельности, к которым стремится молодежь. Выгодами в данном случае выступают приобретение и развитие способностей, полезных в дальнейшей трудовой деятельности; укрепление социального статуса; расширение кругозора; развитие креативных и творческих способностей; расширение круга общения, установление полезных связей, знакомство с полезными людьми; материальное вознаграждение; интересный и полезный досуг.

Второй способ – использование востребованных в современном обществе источников массовой информации и коммуникации (социальные сети, блоги, форумы и т.д.) для установления и поддержания взаимодействия и паттернов гражданского активизма [Невесенко, 2014: 19].

Третий подход представляет собой теории сетей и потоков (М. Кастельс, С.В. Докука, А.Э. Гапич, Д.А. Лушников). Идея М. Кастельса заключается в том, что в настоящее время процесс формирования и осуществления властных отношений окончательно преобразовался в новый организационный и технологический порядок, вырастающий из быстрого развития глобальных цифровых сетей коммуникации как фундаментальной системы обработки символов. Исследователь придерживается мнения, что власть над потоками коммуникации лежит в основе структуры и динамики современного общества. Поскольку власть контролирует

коммуникации, те, кто противостоит ей, находятся в полной зависимости от того, смогут ли они сломать этот контроль.

Согласно М. Кастельсу, новые технологии, связанные с производством информации как нематериальных благ, формируют принципиально новое, информационное общество. Возможности информационных технологий приводят к зарождению единой социально-экономической системы, объединяющей весь мир. Исследователь считает, что Интернет и социальные сети выступают не просто инструментом для применения, но и процессом развития; при этом новые информационные и коммуникационные ресурсы видоизменяют институциональные порядки власти и коммуникации.

По М. Кастельсу, теперь фундаментальное значение для власти имеет способность менять человеческий разум, бомбардировать его различного рода сообщениями. Принуждение и контроль уходят на второй план, поскольку они не способны обеспечить устойчивость власти. Коммуникация лежит в основе как конструирования властных отношений, так и вызова последним в каждой области социальной практики, включая политическую сферу [Castells, 2012: 19].

Анализ массовых протестных восстаний по всему миру, их культурного многообразия, политической силы и внутреннего импульса приводит исследователя к мысли о том, что основной причиной мобилизации значительной части людей выступили социальные сети и мобильные средства связи, которые создали пространство автономии для свободного обмена информацией и совместного переживания чувств возмущения и надежды. Социальные сети выступили инструментом поддержания нового типа политического участия, которое основано на горизонтальных связях, политической автономии, неформальных лидерах и спонтанной солидарности [Castells, 2012: 20].

В диссертационном исследовании С.В. Доуки на теоретическом и эмпирическом уровнях доказывается, что современные средства коммуникации позволяют людям с непостижимой ранее скоростью обмениваться информационными сообщениями и координировать коллективные действия. Наиболее важный вклад заключается в проработке пятиступенчатой схемы механизма политической мобилизации с использованием виртуальных социальных сетей [Доука, 2014].

На первом этапе политической мобилизации активные и умеренно активные пользователи усваивают стереотипы поведения в виртуальных социальных сетях, становятся носителями клипового мышления. На втором этапе в период политической ангажированности они получают информацию зачастую из заведомо предвзятых источников, которая распространяется по горизонтальным каналам коммуникации. На третьем этапе формируются виртуальные протестные сообщества, где обсуждается политическая повестка дня. При этом число дружеских связей внутри таких групп возрастает, и, как следствие, она становится более солидаризованной независимо от политических убеждений. На четвертом этапе формируется дихотомия «мы–они», которая выступает в качестве смыслового элемента мотивации пользователей для перенесения протестной активности на улицу; усиление или, напротив, понижение давления на «мы» накладывает отпечаток на протестную активность. На пятом этапе протестная активность поддерживается в виртуальных сообществах, даже когда протестная акция завершена [Доука, 2014: 128–129].

По мнению А.Э. Гапича и Д.А. Лушниковой, работа с аудиторией социальных сетей представляет собой один из решающих катализаторов современных революционных процессов. Основной закономерностью, которая заставляет «сторонников революции прибегать к построению социальных сетей, является возможность сохранения относительно устойчивого социального образования (сторонников смены политического режима) в

условиях враждебной внешней среды благодаря ускоренным связям внутри этого образования» [Гапич, Лушников, 2014: 78].

А.Э. Гапич и Д.А. Лушников выделяют 3 основных этапа в формировании протестного движения. На первом этапе готовятся активисты, задачи которых – интегрироваться в существующую общественную систему, создать значительное количество слабых социальных связей. На втором этапе проводится рекрутинг протестно настроенной части общества, преимущественно подверженной манипулятивному влиянию молодежи. Поиск таких людей осуществляется либо посредством упомянутых выше слабых социальных связей, либо во время различных массовых мероприятий или сборов групп недовольных и сочувствующих им. На третьем этапе происходит вербовка сторонников протестных движений; важная роль в этом процессе отводится тренингам, семинарам, конференциям и т.д. [Гапич, Лушников, 2014: 83].

Четвертый подход базируется на теориях солидаризации и социального перформанса (Дж. Александер, И.В. Ксенофонтова). Детерминантой протестного движения, по Дж. Александеру, выступает так называемый социальный перформанс. Ближе всего понятие перформанса к русским словам «исполнение», «исполнительство», «исполнительское мастерство». Исследователь считает, что структурные объяснения социальных изменений не дают ответ на вопрос, что становится причиной мобилизации большого количества людей против властей. По его мнению, основная борьба в современном обществе ведется не между богатыми и бедными, капиталистами и пролетариатом, а между символическими репрезентациями (рассказами, образами). Значительная часть подобной борьбы разворачивается на площадках виртуальных социальных сетей, где открывается самый короткий путь к этим репрезентациям и коллективным переживаниям [Титков, 2012: 124].

В рамках сильной программы культурсоциологии Дж. Александер отрицает так называемый социальный реализм, поскольку революционное движение не опосредовано материальными или демографическими реалиями, объяснение протестных выступлений он находит в культурном бэкграунде участников. Культурный бэкграунд складывается на основании бинарных моральных классификаций – сакрального (ценного, положительного) и профанного (отрицательного) [Alexander, 2012: 18].

Переход символических репрезентаций к символическим действиям происходит благодаря агентам социального перформанса, занятым в разработке его сценария. Сценарий запускается только в том случае, когда к нему присоединяется значительное количество людей. Коллективный актер становится участником социальной драмы (перформанса) с определенной мизансценой (расстановкой действующих лиц) и аудиторией, эмоционально вовлеченной в действие. Социальная драма имеет открытый, неопределенный и подверженный случайным факторам финал. Конечные цели социальной драмы – сакрализация протестного движения и профанизация власти; в случае контрперформанса запускается обратное представление [Титков, 2012: 124].

Изучение социального перформанса тесно сопряжено с процессами солидаризации. По мнению И.В. Ксенофонтовой, они являются не только основным двигателем протестных действий, но и принципиально новым феноменом, обладающим специфическими характеристиками пространства и времени, формами проявления и специфическими способами деятельности [Ксенофонтова, 2014: 8]. Исследователь акцентирует свое внимание на особенностях виртуальной солидарности, характерных для современного общества и способных привести к социальному перформансу.

Во-первых, солидарность возникает на основании эмоциональной общности, опосредованной интенсифицированным информационным обменом; во-вторых, выступает как predisposition к выходу на другой уровень (например, на уровень общественных

движений); в-третьих, она прямо не связана с активными действиями; иногда солидарность выражается в молчаливом присоединении к виртуальным сообществам или виртуальном одобрении; в-четвертых, солидарность становится основой создания виртуальных сообществ, не подразумевающих устойчивых связей или каких-либо границ; в то же время в сообществах выделяется ядро (группа активистов), которое предполагает усиленные внутригрупповые связи и более глубокую включенность в деятельность. Таким образом, виртуальная солидарность становится специфичным для виртуального пространства типом социальных отношений, который может стать зонтичным понятием для современных форм виртуальной социальности [Ксенофонтова, 2014: 152–153].

Вслед за Дж. Александером И.В. Ксенофонтова отмечает, что ключевую роль в формировании солидарности играет противопоставление бинарных позиций (прежде всего «мы–они»). Исследователь выделяет две категории солидарности: позитивная солидарность (солидарность «за») и негативная солидарность (солидарность «против»). Отмечается, что российское виртуальное протестное сообщество тяготеет ко второму типу. Первичным этапом формирования протестной солидарности является появление стимула к развитию общественной дискуссии.

Наконец еще один подход – теория слактивизма (Е. Морозов, З. Бауман). В дословном переводе слактивизм – ленивая активность. Базовый постулат – социальные сети представляют своего рода интеллектуальную западню, в которой формируются принципы участия, но как такового реального участия не происходит. Напротив, органы правопорядка оперативно могут устранять лидеров протестных выступлений, в том числе силовыми методами. В конечном счете социальные медиа являются миражом демократических институтов выражения свободы слова и волеизъявления, в действительности же все протестные акции и выступления формируются посредством традиционных инструментов: телефонный обзвон, квартирный обход и т.д.

В качестве доказательства несостоятельности социальных сетей Е. Морозов приводит данные психологического эксперимента А. Колдинг-Йоргенсена, суть которого заключалась в следующем: было создано сообщество на базе социальной сети Facebook, где граждане призывались к защите от сноса исторического фонтана в центре Копенгагена. В течение нескольких месяцев численность сообщества превысила 27 тыс. человек. В действительности фонтану ничего не угрожало. Пользователи сообщества никаких действий по защите фонтана не предпринимали, никто даже не попытался узнать реального положения дел [Morozov, 2012: 179].

С точки зрения З. Баумана социальные сети представляют собой доступную и хорошо организованную форму надзора, которая по объемам предоставляемой информации легко опережает спецслужбы, состоящие из профессионалов в области шпионажа и обнаружения. Это подспорье для новоизбранных диктаторов и тиранических режимов, и борьба может разгореться между теми, кто сможет не только формировать, но и контролировать общественное мнение: З. Бауман приводит пример огромной китайской армии блогеров, которым платят по 50 центов за каждую проправительственную публикацию (отчего их называют еще «партией пятидесяти центов»). Предполагается, что любой негативный отзыв о действиях властей моментально высмеивается и опровергается ими [Бауман, 2013].

Принято считать, что слактивизм популярен среди молодых людей, которые занимаются этим видом деятельности от безделья. Политика в общественном сознании постепенно трансформировалась в еще одно увлекательное, полное жизни и энергии, но относительно безопасное развлечение, скрывающее пользователей от реальной ответственности. Технологическая индивидуализация свободного времени посредством телевидения и Интернета привела к образованию виртуальной реальности касок – реальности, где основная

политическая борьба происходит на форумах и в блогах, на страницах которых можно писать все, что вздумается о политике и политиках; при этом реального политического участия не происходит [Putnam, 2000: 39]. Подобную тенденцию в рамках своего диссертационного исследования отмечает отечественный исследователь В.Д. Евстифеев, по мнению которого бюрократия использует Интернет только для того, чтобы «не допустить настоящей открытости власти и реального участия граждан в управлении» [Евстифеев, 2011: 23].

Таким образом, фиксируемое усложнение структуры социальных отношений, связанное с бурным развитием новых информационных и коммуникационных технологий в конце XX – начале XXI вв., способствовало появлению принципиально новых теоретических сетевых моделей протестной активности. Мы выделяем пять основных направлений: теория «умной толпы», теория минимизации затрат, теория сетей и потоков, теория солидаризации и социального перформанса, теория слактивизма. Сближает эти теории то, что в каждой из них социальные сети фактически рассматриваются как эффективный информационный, мобилизационный, солидаризационный и синхронизирующий ресурс, где минимизированы временные, финансовые и эмоциональные затраты. Структурная разница подходов – в эффекте влияния новых информационных и коммуникационных технологий на протестную активность: позитивном, негативном или нейтральном.

Протестная активность представляет собой объект междисциплинарного изучения, что обуславливает существование в современном научном дискурсе различных альтернативных интерпретаций данного термина. При его определении прослеживается значительная полярность, вектор изучения варьируется от системного до бихевиористского подходов. В широком смысле слова под протестной активностью понимается частный вид социальной активности, проявление коллективного недовольства и несогласия с кем-то или чем-то, ее возникновение подразумевает наличие противоположных интересов [Баранова, 2012: 143]. Зачастую к ней относится и «оспаривание, отрицание всей социальной действительности, самих принципов общественного устройства, и неприятие каких-то отдельных сторон общественно-политической жизни, и возмущение существующими порядками и институтами власти в целом, и выступления против определенных тенденций в политике» [Вайнштейн, 1990: 25].

На основании представленных нами теоретических моделей к изучению сетевой протестной активности мы предполагаем, что речь может идти о принципиально новой форме проявления гражданских инициатив через рост интенсивности сетевых взаимодействий (присоединение к сообществу (группе), участие в сетевых дискуссиях, распространение и одобрение информации и т.д.), привлечение широких слоев населения к протестной риторике, мгновенную реакцию на возникающие в обществе проблемы и т.д.

Литература

- 1 Баранова Г.В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 143–152.
- 2 Бауман З. Способны ли Facebook и Twitter помочь распространению демократии и прав человека? // Русский журнал. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Sposobny-li-Facebook-i-Twitter-pomoch-rasprostraneniyu-demokratii-i-prav-cheloveka> (дата обращения: 15.05.2015).
- 3 Вайнштейн Г.И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. – М.: Наука, 1990.
- 4 Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций. – М.: Инфра-М, 2014.

- 5 Дементьева И.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 4. С. 3–12.
- 6 Доука С.В. Коммуникация в социальных онлайн-сетях как фактор протестной мобилизации в России: Дисс. ... канд. социол. наук. – М., 2014.
- 7 Долгоруков А.М. Интернет и будущее социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2. С. 32–43.
- 8 Евстифеев Р.В. Политико-административные преобразования в контексте глобальных вызовов: отечественный и зарубежный опыт, проблемы и тенденции развития: Дисс. ... д-ра полит. наук. – М., 2011.
- 9 Задорин И.В., Мальцева Д.В., Полукеев О.А. Деятельные сообщества в социальной среде для совместной профессиональной деятельности: предпосылки возникновения и практический опыт создания // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 6. С. 28–42.
- 10 Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
- 11 Ксенофонтова И.В. Интернет-солидарность: методологические основания подхода и практика изучения: Дисс. ... канд. социол. наук. – М., 2014.
- 12 Невесенко Е.Д. Влияние виртуальных сетевых сообществ и сети интернет на развитие социальной активности молодежи: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – СПб., 2014.
- 13 Рейнгольд Г. Умная толпа. Новая социальная революция. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.
- 14 Титков А.С. Культурсоциология против фараона: «перформативная революция» в Египте // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 2. С. 122–130.
- 15 Alexander J.C. Performative revolution in Egypt: an essay in cultural power. – L.: Bloomsbury Academic, 2012.
- 16 Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet. – Cambridge: Polity, 2012.
- 17 Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. – NY: PublicAffairs, 2012.
- 18 Putnam R.D. Bowling alone: The collapse and revival of American. – NY: Simon & Schuster, 2000.
- 19 Shirky C. Cognitive Surplus: How Technology Makes Consumers into Collaborators. – L.: Penguin Books, 2011.
- 20 Shirky C. How social media can make history // TED. 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ted.com/talks/clay_shirky_how_cellphones_twitter_facebook_can_make_history/transcript (дата обращения: 15.05.2015).
- 21 Theocharis Y., Lowe W., van Deth J.W., García-Albacete G. Using Twitter to mobilize protest action: online mobilization patterns and action repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados, and Aganaktismenoi movements // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18, N 2. P. 202–220.